

Н.М. МУХАРЯМОВ, О.Б. ЯНУШ*
**О КОМБИНАТОРИКЕ ЯЗЫКА,
ПОЛИТИКИ И ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные способы взаимодействия познавательных структур, отражающих многообразные формы соприсутствия явлений языка, идентичности и политики, их сочетаемости как в онтологическом, так и гносеологическом смыслах. Типы сопряжения языкового функционирования (коммуникативных практик и ситуаций, индивидуального и группового поведения) с отношениями по поводу идентичности и с политическими измерениями, возникающими на этой основе, образуют сложный комплекс с многосторонней оборачиваемостью ролей. Аналитические рефлексии в этой области также образуют фрагментированную и даже поляризованную картину. На одном фланге такое сопряжение интерпретируется в духе изоморфизма (в логике взаимного замещения и однозначного отображения), в виде синтеза, в основе которого подразумевается общая аскриптивная природа, или эссенциалистские принципы понимания. Идентичность задана еще до того, как предпринимается идентификация, а язык присутствует при этом в качестве атрибута, т.е. неотделимо. Диаметральная позиция заключается в дивергенции языка и идентичности, поскольку абстрактное видение «языка» как системы отнюдь не предполагает осознанного единства участников коммуникации и носителей вербального поведения. В «средней» зоне располагается обширный спектр суждений относительно

* **Мухарямов Наиль Мидхатович**, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет (Казань, Россия), e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru; **Януш Ольга Борисовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет (Казань, Россия), e-mail: yanush_ob@yahoo.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20–011–31601 ««Политика языка»: геолингвистические контексты и модулы участия».

того, что язык и идентичность могут взаимодействовать на уровне модусов (но не атрибутов). Языковая субъектность отражает как мотивацию взаимопонимания, так и потребности в идентификации. Отсюда вытекают логические следствия – языки и идентичность соприкасаются, прежде всего, в плоскостях символического, а политическое воздействие может происходить как в плане традиционно и «классически» понимаемой языковой политики, так и «политики языка». Последняя отличается существенно меньшей институциональностью, отсутствием «жестких» формально-процедурных оснований и решений. Смысловые свойства в данном случае предполагают значительно более широкий агентивный состав и многоуровневые структуры (макро-, мезо- и микромасштабов).

Целесообразность аналитического освоения этой разновидности политик связана с возможностью гибкого реагирования на корреляцию языка и политики в их ситуативной динамике, в том числе – на «низовом» уровне.

Ключевые слова: язык; идентичность; символическое; языковая политика; политика языка.

Для цитирования: Мухарямов Н.М., Януш О.Б. О комбинаторике языка, политики и идентичности // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 36–58. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.02>

Введение

Предметы, о которых пойдет речь в статье, отличаются столь очевидным устойчивым соприсутствием в социальной реальности, что может складываться ощущение самоочевидности и аксиоматичности, которые не нуждаются в особом аналитическом обосновании. Однако в этой области подготовлен и готовится обширнейший массив академических публикаций, с трудом поддающийся науковедческому обозрению. Здесь есть, разумеется, о чем говорить.

Язык во всех своих элементах и способах применения – от идеоэтнических языков, социолектов до акцентов и интонаций говорящих, от функций репрезентации и конструирования до семантики доктринации – присутствует в практике идентификации, в рефлексиях по поводу идентичности.

На всех образующихся здесь пересечениях возникают политические смыслы и эффекты. Математическая метафора комбинаторики помогает рассматривать множественные варианты «соединений» – как простейших терминологических сочетаний и перестановок, так и более сложных концептуальных построений. Язык и идентичность сходны в том, что становятся составляющими единых когнитивных процессов, имеют коммуникативную, интересубъектную

природу. И на то и на другое устремлены политические интенции. И там, и там возникают политически значимые последствия, преднамеренные или нет.

Язык и идентичность: атрибуты и модусы взаимодействия

Сам тематический круг, очерчиваемый концептуальными сочетаниями «язык – идентичность – политика», образуется оборачиваемыми и меняющимися местами субъектно-предикатными ролями и функциями от многих переменных. Каждый концепт в той или иной ситуации может становиться логическим подлежащим или логическим сказуемым. Отсюда – крайне фрагментированная познавательная ситуация в социальной гуманитаристике, определенная анархия в выборе инструментов концептуализации и шире – самих дискурсивных стилистик.

Способы сопряжения языковой жизни конкретных обществ, группового и индивидуального языкового поведения, всего, что связано с социально-коммуникативными системами и средами, с одной стороны, и отношениями по поводу идентификации – с другой, – это калейдоскоп очень сложного строения.

Можно, однако, попытаться прибегнуть к приему, позволяющему (с известной долей упрощения) выделить некоторые основные смысловые векторы освоения названного тематического комплекса. Иногда такие линии исследовательского внимания имеют направленность, зависящую от некоторых различительных процедур (дистинкций).

Начать можно с того, что исследовательский дискурс в рассматриваемом тематическом поле выглядит не просто глубоко фрагментированным, но и с очевидностью поляризованным.

Одно из наиболее заметных направлений теоретизирования по поводу языка и идентичности исходит из их фундаментального отождествления. И то и другое в самом деле немислимо вне контекста коммуникации. Один из «классических» примеров представлен суждениями Роберта Ле Пажя: «Каждый должен выстроить собственную идентичность путем соотнесения себя – в позитивном или негативном смысле – с людьми или группами людей, в которых он распознает себя, наделяя их лингвистическими харак-

теристиками. Притяжение и отталкивание *проецируется* посредством использования языка... мы идентифицируем себя, создавая свой собственный неповторимый тип лингвистического (и иного) поведения и одновременно используем его для определения своего места среди других. Затем мы получаем от других информацию, в какой мере они приняли наш мир и совместим он или не совместим с их собственными мирами... Таким способом в реальном мире формируются лингвистические группы, сходные с теми, которые существуют в сознании их членов» [Ле Паж, 2015, с. 150]. Концептуальным кредо в рамках такого способа видения становится тезис «языковой акт есть акт идентичности», или «идентичность как перформативный акт» [Tabouret-Keller, 1997; The socio-linguistics of identity, 2006, p. 12; Joseph, 2004, p. 20].

В несколько иных жанровых (часто дидактических), более редуцированных форматах этот подход постулируется в виде тезиса: *«Без языка нет и народа. Язык – это важнейший механизм в формировании и функционировании культуры, важный элемент индивидуальной и коллективной идентичности. Так считают многие политики и ученые. ...Государственная языковая политика проводится в гармонии с государственной культурной политикой»* [Пиневич, Стародубцев, 2011, с. 100, 107] (курсив авторов).

Эта парадигма может быть обозначена при помощи общенаучной терминологии – как *синтез* (взаимная связь частей единого целого) или естественно-научной терминологии – как *изоморфизм* (отношения взаимного замещения, взаимного же однозначного отображения).

Вектор, направленный в сторону противоположного полюса по отношению к синтезу и изоморфизму, можно определить как *дивергентный*.

Здесь присутствуют – контрарные по смыслам – отправные точки. В этом направлении происходит кристаллизация парадигм философии языка, коммуникативного знания, исследований идентичности и соответствующих политологических импликаций. Рефлексия по поводу связи языка и идентичности строится на радикальном разрыве с традиционной аксиоматикой, с эссенциалистскими представлениями, с натурализацией предмета. Заметно при этом, что предпринимаемые интеллектуальные усилия выходят за рамки тривиальных антиномий, таких как соотнесение примордиализма с конструктивизмом или инструментализмом.

Альтернативные позиции формируются как переосмысление самих онтологических оснований вербальных фактов и процессов в рамках объектной (или предметной) модели языка как чего-то монолитного, очерченного определяемыми границами. В контексте идентичности об этом пишет А.В. Вдовиченко: «Язык как лингвистический объект и как традиционное именование единого инструмента общения нередко мыслится **фактором создания** (возникновения) **идентичности** в широком спектре научной гуманитарной и обыденной аргументации... Как более специализированные (лингвистические и лингвофилософские) рассуждения, так и менее тяжеловесные жанровые зарисовки позволяют утверждать, что **понятие “язык” не эффективно для моделирования процесса естественного говорения (письма)**, и не может играть прежней доминирующей роли в формировании идентичности, понимаемой как осознанное и признанное неким сообществом единство». Предлагаемая субъектная (дискурсивная) модель «вербальной материи» строится на коммуникативных действиях, а не на модели абстрактного «языка», лишённого субъекта. Онтологической (не утилитарной) ценностью обладает не сам по себе «язык» как знаковая система. «...говорящему на “родном языке” известен не “язык”, а **типология коммуникативных синтагм, или ситуаций**». И напротив: «Употребление одних и тех же слов не обязательно означает присутствия одних и тех же концептов» в сознании, и наоборот, – употребление различных слов не означает обязательного присутствия различных “концептов”. ... Границы сообществ (в том числе этнических) независимы от имеющихся языковых навыков» [Вдовиченко, 2017, с. 22, 26]. Согласно этой линии суждений, «миф» о роли языка в формировании идентичности относится к категории предрассудков, на которых паразитирует гомогенная ему националистическая риторика [там же].

Между этими полярными позициями располагается обширный массив суждений относительно того, что языковые явления и способы идентификации соотносятся друг с другом не тотально, но через определенные структурные взаимодействия.

В реальной практике соединение явлений языковой реальности с практикой идентификации во всех ее проявлениях происходит, по-видимому, в виде конгломерации, но не в режиме конгруэнтности или полного совпадения при совмещении.

В языковом функционировании есть такие свойства и стороны, которые не предполагают какой-то необходимой связанности и идентичности и *viceversa* – идентификация не всегда выражена вербально. Сцепление онтологических элементов того и другого и тем более возникновение при этом политически значимых смыслов и эффектов происходит по-разному. Одни стороны при этом обладают имманентной природой и являются неотъемлемыми свойствами (*атрибутами*) предмета, другие – предстают в виде *модусов*, т.е. обладают свойствами непостоянности и возникают лишь в некоторых состояниях [Кондаков, 1976, с. 361].

На уровне обоюдно направленной и обращающейся роли друг по отношению к другу – на уровне модусов взаимного пересечения – язык и идентичность образуют общую феноменологию, в том числе – взаимное конструирование, языковую идентичность, нарративы идентичности, дискурсивную идентичность и проч. [Семененко, 2017, с. 23; Ellis, 2007].

Идентичность одновременно интерпретируется и прокламируется, что, разумеется, предполагает центральную роль языка [Sociolinguistics of Identity]. Притом что идентификация может производиться в мультимодальных вариантах (в том числе – невербальных), она так или иначе артикулируется, бывает эксплицитно выражена в тех или иных словесных формулах.

В лингвистическом знании, пожалуй, наиболее распространен подход, согласно которому идентичность связана не с самим языком как системным целым, а с его определенными свойствами и качественными параметрами. Языковое функционирование видится в дифференцированном плане – как инструмент обмена информацией, с одной стороны, и как средство самовыражения говорящего – с другой. Относительно роли моментов идентичности формулируются решения с той или иной детализацией.

Так, Дж. Джозеф оставляет открытым вопрос о том, составляет ли идентичность самостоятельную функцию (и цель) языкового употребления, или она представляет собой часть оснований, лежащих в основе коммуникативной стороны языковой реальности и репрезентации (второй фундаментальной стороны языкового функционирования), а также перформативной и фатической (контактоустанавливающей) функций. Это, по мнению автора, переводит концептуализацию языка в его соотнесенности с идентичностью из лингвофилософской плоскости в политическую плоскость.

Абстрактное видение «больших репрезентативных систем» не должно оставлять за рамками внимания судьбу «малых» языков. Лингвистическое знание должно быть реконфигурировано в контексте идентичности. Объект исследования в этом смысле обязан охватывать и «жизни человеческих существ» [Joseph, 2004, p. 20, 23].

Согласно авторитетной точке зрения академика В.М. Алпатов, в многоязычной среде взаимодействуют «две естественные для каждого человека, но противоположные потребности»:

– потребность взаимопонимания («каждый из участников любой ситуации общения желает без помех общаться со своим собеседником»);

– потребность идентичности (стремление «пользоваться в любой ситуации общения полностью “своим” языком, освоенным в первые два-три года жизни») [Алпатов, 2000, с. 11, 12].

Вероятно, наиболее распространенный способ видения состоит в том, что соединение обоих начал в качестве атрибутов одного и другого (язык в идентичности – идентичность в языке) происходит в измерениях символического. Такие измерения трактуются по-разному – и как некоторые стороны обоих предметов, и как мотивации языкового использования, и как присущие языку самостоятельные функции.

На уровне лингвофилософских рефлексий язык в рамках традиции, заложенной Эдвардом Сепиром почти столетие тому назад, трактуется как «совершенная символическая система». Функция, отражающая это свойство, наделяется первенствующей ролью по сравнению с коммуникативной функцией. Правда, теперь, согласно современным лингвистическим представлениям, символическую функцию языка «чаще называют когнитивной, т.е. познавательной» [Алпатов, 2018, с. 149].

Бинарная логика, типичная для лингвистической теории, дифференцирует собственно коммуникативные аспекты языкового использования и те стороны, которые интегрированы с идентичностью (с восприятием мира, с маркировкой социокультурных границ, с исключением) [Ives, 2015, p. 100].

На уровне большей конкретизации символическая функция языка и деятельность, связанная с идентичностью (прежде всего – как с самопониманием), сходятся в принципиально неутилитарной природе того и другого. «Идентичность», понимаемую как основание или базис социального или политического действия, часто

противопоставляют “интересу”, с тем чтобы вывести на первый план и осмыслить *неинструментальные* модальности социального и политического действия» [Брубейкер, 2012, с. 74].

Это, разумеется, один из возможных объяснительных подходов. Он выводит рассматриваемые материи за логические рамки проблематики символического господства и подчинения, о котором писал П. Бурдьё. Кстати, редкая зарубежная публикация, исследующая языковые измерения идентичности, обходится без ссылки на его классическую работу о «легитимном языке» [Бурдьё, 2005]. Также язык может мыслиться и как практика «символического насилия», в том числе через институты образования [Joseph, 2004, p. 47–49].

Политологические проекции рассматриваемой темы, естественно, достаточно множественны и разнонаправлены, что можно продемонстрировать на нескольких примерах.

Во-первых, в отечественных работах по социолингвистике представлены интерпретации символической функции языка на основании критериев властно-управленческого порядка. Это свойство языка иногда раскрывается в логике *ad hoc* и выражается в том, что «язык играет роль символа внутригосударственной интеграции в ситуации, при которой фактически данный язык не является средством межэтнического и общегосударственного общения, напр. малайский язык является официальным языком Сингапура, однако при этом выполняет лишь символическую функцию – на нем исполняется государственный гимн. В основных же сферах общения функционируют другие языки (английский, китайский, тамильский» [Язык и общество, 2016, с. 425]. Этот пример показывает, видимо, довольно редко встречающийся случай модуса взаимодействия языка и идентичности на политико-символическом уровне.

Во-вторых, момент символического рассматривается в качестве одного из двух способов обоснования проводимой языковой политики в ее системных качествах. Первый способ мотивирован *функционально* и ориентирован на удовлетворение интересов и получение индивидом быстрых и конкретных выгод – доступа к информации, преодоления лингвистических препятствий для получения каких-то благ, предотвращения коммуникативных угроз... Символические интересы связаны не с конкретными выгодами, а с потребностями самоидентификации. Символическая природа языковой политики нацелена на укрепление чувства принадлежности к

этнической группе, на использование соответствующих маркеров в качестве определяющих. С другой стороны, символические аспекты и те, что связаны с идентичностью, имеют общую социетальную и общегосударственную направленность [Johnson, 2013, p. 86–87].

В-третьих, языковые политики на «низовом уровне» исследуются в виде дихотомии:

– прагматически ориентированные стратегии и курсы, которые основаны «на опасениях социального и экономического исключения по причине невладения официальным языком»;

– идентитарно ориентированные (основанные «на опасении аккультурации, утраты культурной самобытности и родного языка»).

Использование соответствующего аналитического инструментария – перспективное направление исследования политико-языковых отношений в тех измерениях, которые характерны для рестриктивных шагов властей на постсоветском пространстве по отношению к нетитульным языкам, с одной стороны, и в российской ситуации языкового выбора на уровне обычных граждан (исключая фактор «этнических активистов») – с другой. На передний план выходят то прагматические, то идентитарные соображения [Соколовский, Филиппова, 2020, с. 11–13].

В-четвертых, заметным сегментом академического дискурса выглядят исследования перспектив консолидации сообществ языковой идентичности на не- и надэтнической основе (включая, кстати, разделяемые символические ценности), а также перспектив превращения этих сообществ в политический ресурс и приобретения ими политической субъектности. Этому была в свое время посвящена, к примеру, обстоятельно выполненная монография Дэвида Лейтина, в которой рассматриваются дилеммы русскоязычных жителей (ассимиляция / консолидация) соседних с Россией государств Балтии, Украины, Казахстана [Latin, 1998].

Пересечения языка и идентичности в контексте различающихся политик

Политически значимое содержание при взаимном наложении языковых процессов и отношений с идентичностью возникает на самых разных уровнях и в многообразных формах. На одних контурах такое содержание получает статус институционально оформ-

ленного в корпусе официальных текстов – *de jure* – атрибута в том смысле, о котором было сказано выше. На других – действуют модусы взаимодействия: соответствующие смыслы могут быть проявлены эксплицитно, *de facto*, вне какого-то формального обрамления.

Такие горизонты можно обозначить путем соотнесения двух концептуальных конструкторов – «языковой политики» и «политики языка» [Мухарямов, 2017].

«Языковая политика» генетически восходит к своему классическому концептуальному предшественнику в лице «языкового планирования» (учитывающему, кстати, советский опыт языкового строительства 1920–1930-х годов) [Jernudd, Nekvapil, 2012]. В когнитивных основаниях при этом находились оптимистические представления и практика, концентрирующиеся вокруг категорий рационального, политически полномочного, охватывающего общегосударственный масштаб и общество целиком, исходящего из стратегического целеполагания, рассчитанного на эффективность воздействия на языковые ситуации. Эти основания были исполнены пафосом модернизации, претендовали на идеологическую нейтральность и были во многом продиктованы постколониальными реалиями. После 1960-х годов под воздействием многих экстралингвистических факторов и постмодернистской интеллектуальной ситуации, но также и под влиянием политической науки стали чаще пользоваться категориями «языковой политики», «языкового менеджмента», «языкового культивирования» [ibid.].

Стратегии и меры языковой политики ориентированы на особый образ проектируемого целедостижения – на языковую пурификацию, реформы, распространение языка, языковое возрождение, стандартизацию, модернизацию лексики, совершенствование стилистики, поддержание языка, унификацию терминологии, межъязыковую коммуникацию [Kaplan, Baldauf, 1997, p. 82]. По своему генезису, это – решения и меры, принимаемые сверху. Это каким-то образом должно быть открыто провозглашено, документировано и письменно закреплено в политических текстах, официальных актах [Johnson, 2013, p. 10].

В рассматриваемом контексте можно предположить, что проблематика идентичности на этом – высокоформализованном – горизонте если и присутствует, то чаще в декларативном ключе.

Определить место идентичности в предметном поле языковой политики можно через соотнесение двух сторон оппозиции –

субстантивные аспекты vs *символические* аспекты властно-управленческого регулирования лингвокоммуникативными и этнолингвистическими отношениями.

Одна часть в такой бинарной логике нацелена на закрепление или изменение реальных параметров функционирования языка и языковых ситуаций – правового статуса, корпуса (кодификация, стандартизация, графические основы, грамматика, лексический строй и т.п.). Другая часть, или «символическая языковая политика», по своим смыслам больше тяготеет к манифестации социокультурной или этнокультурной «самости» сообществ различной природы. Академические суждения на этот предмет заметно варьируются в оценках и в определении меры политизированности.

Одно из направлений исследовательской активности связано с тем, что идентичность рассматривается в виде переменной языкового регулирования в контексте интерлингвальных ситуаций, языкового многообразия и усилий, предпринимаемых по отношению к миноритарным языкам (табл. 1).

Еще одна сюжетная грань в этом тематическом комплексе имеет более общий концептуальный вид. Язык, будучи предметом сознательного и целенаправленного политико-правового воздействия, в западных исследованиях рассматривается в виде триангуляции – как ресурс, как проблема и как право. Это может быть распространено также и на то, чтобы квалифицировать символические типы языкового регулирования в политико-идеологических терминах. Культурно-языковое многообразие и в российском официальном дискурсе, и в экспертных выступлениях, как правило, декларируется как благо, «богатство», «достояние». При этом, однако, усилия по укреплению позиций миноритарных *de facto* языков («титულных» республиканских языков, прежде всего) интерпретируются, чаще всего, в несколько иных коннотациях, через концепт «вызова», а подчас и через инвективы [Марусенко, 2015]. Соответственно, и символическая языковая политика расценивается в виде «воплощения сецессионистских требований», «языковой сегрегации» [Борисова, 2017, с. 37; Борисова, Бородин, 2017, с. 173].

Вопрос о том, представляет ли символическая политика самостоятельное направление языкового регулирования в традиционном социолингвистическом понимании, далек от общепризнанного разрешения. В любом случае, идет ли речь об отдельном тренде или об аспектах всех способов властно-управленческого

воздействия на языковую жизнь общества, символическое характеризует не функциональные (субстантивные) параметры предмета. В центре внимания здесь, скорее, «аффективные» составляющие и, как бы пренебрежительно это ни звучало, – «лингвистический сентиментализм» [De Swaan, 2004, p. 567–580].

Таблица 1

**Градация компонентов этноязыковой идентичности
и языковой политики [García, 2012, p. 89]**

	УСПЕШНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА		МЕНЕЕ УСПЕШНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА	
Этноязыковая идентичность	сильная	сильная	сильная	умеренная
Представления о языке	сильные	сильные	умеренные	слабые
Язык в частной сфере	сильный	умеренный	сильный	слабый
Язык в публичной сфере	сильный	умеренный	сильный	слабый
Внутригрупповой языковой менедж- мент	сильный	сильный	слабый	слабый
Внешний языковой менеджмент	сильный	сильный	слабый	слабый
Примеры языковых групп	Баски Каталонцы	Маори Валлийцы	Языки индейцев Мексики Кечуа Берберы	Язык галло Бретонцы
РЕЗУЛЬТАТЫ	Поддержание и развитие языка	Ревитализация и развитие языка	Угрожаемый язык	Языковой сдвиг

Применительно к интерференции языка, политики и идентичности свои исследовательские перспективы открываются на

качественно ином контуре, который очерчивается при помощи понятия «политика языка».

Естественным и уместным будет вопрос – почему «политика языка»? Не есть ли это простая калька с англоязычного «political-soflanguage» или надуманное замещение привычного термина «языковая политика»? Однако, как видится, непривычное (и пока пребывающее в нетерминологическом состоянии в российском академическом дискурсе) для отечественного обществоведческого слуха словосочетание «политика языка» обладает эвристической перспективой. Имеются определенные основания для наделения этого инструмента правами на существование подобно его семантическим аналогам – «политике идентичности», «политике признания», «политике памяти», «политике прошлого» и проч.

Один из доводов в пользу этого утверждения по-особому звучит в контексте предметного ракурса данной статьи. Язык служит своеобразным связующим звеном между индивидуальными, групповыми и общими социетальными горизонтами идентификации. Это – и средство интерпретации, и способ артикуляции, и форма вербальной манифестации (репрезентации) идентичности, которая может быть рассмотрена в виде когнитивного процесса и дискурсивной деятельности на указанных уровнях. «Политика же языка» как лексический прием анализа позволяет видеть многообразие структурных характеристик, в том числе – на макро-, мезо- и микроуровнях, во-первых.

Во-вторых, большинство современных разработок на предмет политико-языковых отношений (а не только языковых ситуаций и языковых режимов) сходятся в том, что моноцентрическое видение властно-управленческого воздействия на языковую жизнь должно уступать место значительно более дифференцированному рассмотрению состава агентов этих отношений [Соколовский, Филиппова, 2018; Соколовский, Филиппова, 2020].

Такой аналитический инструмент, как «политика языка», обладает собственной эвристикой, позволяющей выходить за ограничения, присущие «языковой политике». Последняя, как было сказано, отражает нормативную сторону предмета и, следовательно, принятие решений в режиме дискретности. Когда же говорится о «политике языка», в орбиту внимания вовлекаются такие обстоятельства, как процессуальный характер политико-языкового *участия* и поведения, ситуативность, контексты. Речь идет уже не о

решениях, но о повседневном выборе вербальных моделей действия – и в плане использования идеоэтнических языков (субъязыковых кодов), и в смысле использования коммуникативных ресурсов в самом широком смысле (жанров, стилей, дискурсов...).

В отличие от формально организованной и официальной языковой политики, политика языка может генерироваться «снизу», в том числе – на микроуровнях, функционировать в локальных и повседневных обстоятельствах общения и языкового выбора, включая ситуации дву- и многоязычия. Такого рода практика, чаще всего, подразумевает имплицитные способы организации. В процессе общения обычные люди, разумеется, не преследуют цели «реализации языкового законодательства» и не руководствуются какими-то декларациями. Вместе с тем они живут и действуют в конкретных социально- и этнокоммуникативных средах, испытывая воздействие как рационально-прагматических мотиваций, так и символических тяготений (манифестация идентичности).

Самое же принципиальное состоит в том, что политика языка представляет собой формы практик и гносеологических процедур, значительно более тесно связанных идентичностью, деятельностью и отношениями по ее поводу. Всякое проявление идентификации на персональном, групповом или общем социетальном уровне – это не только когнитивный и коммуникативный процесс. Всем вообще идентичностям, включая политическую идентичность, присущ интерсубъективный характер [Муфф, 2008], чего не скажешь о языковом регулировании «сверху».

В связи с лингвистическими факторами и измерениями идентичности сложно говорить о формализованном властно-управленческом, нормативном воздействии в рамках моноцентричной языковой политики. Это, скорее всего, будет оставаться в жанровых рамках официальной (квазиофициальной) риторики.

Таким образом, политика языка как совокупность самых разнообразных форм участия на индивидуальном и коллективном уровнях имеет более естественный доступ к оперированию проблематикой идентичности (имплицитно и эксплицитно) в ее ситуативной динамике. На уровне властных установок вполне уместно говорить о «сохранении» или «формировании» идентичности. Политика языка в ее «низовых» измерениях – это непосредственное воплощение тождественности и самости, референ-

ции в координатах «мы – они», «узнавания и узнаваемости» посредством ресурсов коммуникативного участия [Вахтин, Головки, 2004, с. 262].

То обстоятельство, что этнокультурная идентичность не включает в качестве чего-то безальтернативного также и социально-лингвистическую лояльность, выражается в отечественной практике проведения переписей населения.

Ответы на близкие по смыслу вопросы, когда указывается родной язык и владение этим языком, совпадают не всегда. Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., татарский язык назвали родным 79,2% граждан соответствующей национальности (минус 6,4% по сравнению с 1989 г.), а о владении татарским языком заявили 69,0% татар. Получается, что 10% опрошенных продемонстрировали «разрыв» между восприятием языка в качестве родного и владением этим языком. Аналогичная ситуация характерна для аварского, кабардинского, кумыкского, лезгинского, осетинского, чувашского, марийского языков. У ингушского языка такая разница показателей составляет приблизительно 20%. Бурятский язык продемонстрировал тогда двукратный «разрыв» по этому параметру. Характерно, далее, и то, что владение языком «своей» национальности может превышать показатели его признания в качестве родного. Перепись 2010 г. показала такую ситуацию среди украинцев: украинский язык признали родным 24,2% российских граждан украинской этнической принадлежности, тогда как владение им – 34,7%.

Указанная рассогласованность выражается и в том, что заявления об этнической принадлежности могут исключать момент языковой лояльности. Это заметно, к примеру, в «Алфавитном перечне возможных ответов населения для кодирования ответа на вопрос 7 Переписного листа формы Л» (приказ Росстата № 74 от 2010 г.), или номенклатуры фигурировавших ранее вариантов индивидуального этнического самоопределения опрашиваемых¹. В документе можно встретить «экзотические» (скорее, игровые) ответы, которые никак не предполагают языковой идентификации:

¹ Алфавитный перечень вариантов ответов населения для кодирования ответа на вопрос 7 Переписного листа формы Л Всероссийской переписи населения 2010 года (Утверждено приказом Росстата от 27.01.2010 года). – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nacion10.php (дата посещения: 15.07.2020).

«граждане земли», «граждане мира», «иностранцы», «интернационалисты», «нацмены», «полукровки», «сложная национальность», «советские» и проч.

Показательно, что в перечне фиксируются около трех десятков случаев этнолингвистического самоопределения участников переписей, заявивших о своей специфической национальной идентификации в своеобразном варианте «от противного», когда подчеркивается негативное позиционирование к языкам (по большей части, видимо, близкородственным).

Это, в частности, такие примеры, как:

– «адыге» / «адыги» / «адыгэ» (с любым языком, кроме кабардинского, черкесского и шапсугского) притом что представлены варианты, когда эти языки указывались как родные для людей с этими этническими самоназваниями;

– «алтай» с кумандинским, теленгитским, тубаларским и челканскими родными языками и «алтай» (с любыми языками, кроме названных);

– «башкиро-татары» (с любым языком, кроме татарского) и «башкиро-татары» (с языком татарским);

– «татаро-башкиры» (с любым языком, кроме башкирского);

– «казаки» (с калмыцким языком и украинским языком) и «казаки» (с любым языком, кроме названных);

– «кипчак» (с алтайским языком, с языком башкирским, с языком казахским, с языком ногайским) и «кипчак» (с любым языком, кроме названных);

– «литваки» / «литвины» / «литвяки» (с языком литовским) и с любым языком, кроме литовского);

– «поляки» (с языком белорусским) и «поляки» (с любым языком, кроме белорусского);

– «удэ» (с языком китайским и русским) и «удэ» (с любым языком, кроме китайского и русского).

Такие действия самоидентификации имеют символически-ритуальный смысл и не становятся частью реальной коммуникативной практики.

Приведенные данные показывают: самоидентификация по параметру «родной язык» и практики языкового использования заметно разнятся. Это свидетельствует о «разрывах» между символическими и коммуникативными аспектами политики языка на микроуровнях ее функционирования. Политические смыслы при

совмещении проблематики языка и идентичности возникают, далее, в структурно-организационных измерениях образовательной языковой политики.

Таблица 2

Население отдельных национальностей, принявшее участие в Микрореписи 2015 г., по владению языками, по языкам, используемым в повседневной жизни, по родному языку¹

Регион	Национальность	Всего указавших владение языками	Указанные населением языки	Численность владеющих	Численность указавших язык, используемый в повседневной жизни	Численность указавших родной язык
Республика Бурятия	Буряты	4841	Бурятский	3195	2704	3727
Республика Карелия	Карелы	1156	Карельский	520	230	386
Республика Коми	Коми	4267	Коми	3301	2689	3085
Республика Татарстан	Татары	28 782	Татарский	27 609	25 781	27 718
Удмуртская Республика	Удмурты	6368	Удмуртский	4832	3971	4570
Республика Хакасия	Хакасы	1182	Хакасский	718	566	807
Ханты-Мансийский АО – Югра	Ханты	470	Языки коренных малочисленных народов РФ (мансийский, ненецкий, хантыйский)	46	27	80
	Манси	302		20	4	19
Чувашская Республика	Чуваши	12 448	Чувашский	10 478	8682	10 027

¹ Таблица подготовлена по материалам Микрореписи 2015 г. Итоги Микрореписи населения 2015 года. Таблицы 10.5, 10.7, 10.9. Население отдельных национальностей, принявшее участие в микрореписи, по владению языками, использованию в повседневной жизни, по родному языку. – Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата посещения: 07.08.2020).

Заключение

Политика языка как реляционная (связанная лингвокоммуникативными отношениями) практика позволяет выявить *корреляцию* языкового выбора и языкового поведения на макро-, мезо- и микроуровне с процессами идентификации. Языковая политика в традиционном («жестком») понимании в этом смысле более, так сказать, неповоротлива. Язык и идентичность в обоюдно направленных линиях и способах соединения однозначному постулированию в меняющихся этно- и социально-коммуникативных средах не поддается. Смысловые акценты будут, видимо, расставляться с учетом этого обстоятельства. «Мы видим свое будущее в сохранении родного языка, культуры, традиционных духовных ценностей и нравственных ориентиров, религии, – пишет президент Татарстана Рустам Минниханов. – И неважно, хорошо ли ты говоришь на родном языке, практикуешь ли религиозные обряды. Быть татаринном – это чувствовать связь со своим народом. И если ты захочешь изучить язык, на котором говорили твои деды и прадеды, мы всегда поможем и поддержим. Мы будем делать все для его сохранения, и, может, когда-нибудь ты тоже захочешь принять в этом участие»¹.

Список литературы

- Аллатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт+: Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.
- Аллатов В.* Реформа алфавита: латиница или кириллица? // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – № 2 (20). – С. 134–144.
- Аллатов В.* Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 253 с.
- Борисова Н.В.* Когда язык в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 189 с.
- Борисова Н.В., Бородин Л.С.* Языковая преференциальная политика как тема и арена баланса / дисбаланса в межэтнических отношениях // Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П.В. Панова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 164–181.

¹ Республика Татарстан. – 25 августа 2020 г.

- Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- Бурдые П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (дата посещения: 10.07.2020).
- Вахтин Н.Б., Головки Е.В.* Социоллингвистика и социология языка. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
- Вдовиченко А.В.* «Русский язык» и «Русский мир» на фоне коммуникативной модели вербального процесса // ФОРУМ-ДИАЛОГ. Языковая политика: общероссийская экспертиза: сборник докладов. – М.: ФАДН, 2017. – С. 21–27.
- Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1976. – 720 с.
- Марусенко М.А.* Язык и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – М.: Научно-политическая книга, 2015. – 575 с.
- Муфф Ш.* Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. – М.: ИФ РАН, 2008. – № 1. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/pru_1/6.pdf (дата посещения: 20.08.2020).
- Мухарьямов Н.М.* Политика языка и языковая политика // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 677–684.
- Ле Паж Р.Б.* «Никогда нельзя сказать, откуда какое слово пришло»: языковые контакты в диффузной среде // Социоллингвистика и социология языка: Хрестоматия / отв. ред. Н.Б. Вахтин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – Т. 2. – С. 150–182.
- Пиневиц Е.В., Стародубцев В.Ф.* Социоллингвистика: учебное пособие. – М.: Экономика, 2011. – 215 с.
- Семенов И.С.* Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь мир, 2017. – С. 18–32.
- Соколовский С., Филиппова Е.* Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова. – М.: ИЭАРАН, 2018. – С. iv–vi.
- Соколовский С.В., Филиппова Е.И.* Законы и идеологии: политика и управление языковыми ситуациями // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / отв. ред. Е.И. Филиппова, С.В. Соколовский. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: Горячая линия – Телеком, 2020. – 260 с.
- Язык и общество: энциклопедия. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 872 с.
- Ellis D.* A Discourse theory of ethnic identity // Discursive construction of identity in European politics / R.C.M. Mole (ed). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 25–44.
- De Swaan A.* Endangered languages, sociolinguistics, and linguistic sentimentalism // European Review. – 2004. – Vol. 12, N 4. – P. 567–580.

- Garcia O.* Ethnic identity and language policy // The Cambridge handbook of language policy / B. Spolsky (ed.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – P. 79–99.
- Ives P.* Language policies, globalization, and global English: bringing the state back in // State traditions and language regimes / L. Cardinal, S.K. Sonntag (eds). – Montreal; L.; Ithaca: McGill-Queen's Univ., 2015. – P. 97–118.
- Johnson D.C.* Language policy. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 291 p.
- Jernudd B., Nekvapil J.* History of the field: a sketch // The Cambridge handbook of language policy. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – P. 16–36.
- Joseph J.* Language and identity: national, ethnic, religious. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 268 p.
- Kaplan R., Baldauf Jr.R.* Language planning. From practice to theory. – Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 1997. – 403 p.
- Latin D.* Identity in formation. The Russian-speaking populations in the near abroad. – Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1998. – 417 p.
- The sociolinguistics of identity / T. Omoniyi, G. White (eds). – L.; N.Y.: Continuum, 2006. – 239 p.
- Tabouret-Keller A.* Language and identity // The handbook of sociolinguistics / F. Coulmas (ed.). – 1-st ed. – L.: Blackwell Publishing, 1997. – P. 315–326.

N.M. Mukharyamov, O.B. Yanush*

About the combinatorics of language, politics and identity

Abstract. The article discusses the conceptual ways of interaction of cognitive structures reflecting the diverse forms of co-presence of the phenomena of language, identity and politics in their peculiar combinatorics – variants of compatibility in both ontological and epistemological senses. The types of conjugation of linguistic functioning (communicative practices and situations, individual and group behavior) with relations about identity and with political dimensions that arise on this basis, form a complex with a multilateral turnover of roles. Analytical reflections in this area, understandably, also form a fragmented and even polarized picture. On one flank, such conjugation is interpreted in the spirit of isomorphism (in the logic of mutual substitution and unambiguous mapping), in the form of a synthesis, which is based on a certain general ascriptive nature, or essentialist principles of understanding. Identity is set even before identification is attempted, and language is present as an attribute, that is, inseparable. The diametrical position lies in the divergence of language and identity, since the abstract vision of “language” as a system does not at all presuppose a conscious unity of the participants in communication and the carriers of verbal behavior. In the “middle” zone, there is a wide range of judgments regarding the fact that language and identity can interact at the level of modi (but not attributes). Linguistic subjectivity reflects

* **Mukharyamov Nail**, Kazan state power engineering university (Kazan, Russia), e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru; **Yanush Olga**, Kazan state power engineering university (Kazan, Russia), e-mail: yanush_ob@yahoo.com

both the motivation for mutual understanding (communicative function) and the need for identification. This leads to logical consequences – languages and identity touch in the plane of the symbolic, and political influence can occur both in terms of traditionally understood language policy, and language politics. The article is distinguished by significantly less institutionalization, the absence of “hard” formal procedural grounds and decisions. Semantic properties in this case suggest a much wider agent composition, and multilevel structures (macro-, meso- and microscales). The expediency of analytical development of this type of politics is associated with the possibility of flexible response to the correlation of language and politics in their situational dynamics, including at the “grassroots” level.

Keywords: language; identity; symbolic; language policy; politics of language.

For citation: Mukharyamov N.M., Yanush O.B. About the combinatorics of language, politics and identity. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 36–58. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.02>

References

- Alpatov V.M. *150 languages and politics. 1917–2000. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space*. Moscow: Craft+, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000, 224 p. (In Russ.)
- Alpatov V. Alphabet reform: Latin or Cyrillic? *Central Asia and the Caucasus*. 2002, N 2 (20). P. 134–144. (In Russ.)
- Alpatov V. *Linguistics: from Aristotle to computer linguistics*. Moscow: Alpina non-fiction, 2018, 253 p. (In Russ.)
- Borisova N.V. *When language is on fire: contestation language regimes as a challenge to inter-ethnic balance*. Moscow: Political encyclopedia, 2017, 189 p. (In Russ.)
- Borisova N.V., Borodina L.S. Language preferential policy as a topic and arena of balance / imbalance in interethnic relations. In: Panov P.V. (ed). *Balancing claims: ethnic regional autonomy, state integrity, and ethnic minority rights*. Moscow: Political encyclopedia, 2017, P. 164–181. (In Russ.)
- Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics, 2012, 408 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. The production and reproduction of legitimate language. *Otechestvennye zapiski*. 2005, N 2. – Mode of access: http://magazines.russ.ru/oz/2005/_2_9-pr.html (accessed: 10.07.2020.) (In Russ.)
- Ellis D. A discourse theory of ethnic identity. In: Mole R.C.M. (ed.). *Discursive construction of identity in European politics*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007, P. 25–44.
- De Swaan A. Endangered languages, sociolinguistics, and linguistic sentimentalism. *European Review*. 2004, Vol. 12, N 4, P. 567–580.
- Garcia O. Ethnic identity and language policy In: Spolsky B. (ed.). *The Cambridge handbook of language policy*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, P. 79–99.
- Ives P. Language Policies, globalization, and global English: bringing the state back in. In: Cardinal L., Sonntag S.K. *State traditions and language regimes*. Montreal, London, Ithaca: McGill-Queen’s University, 2015, P. 97–118.

- Johnson D.C. *Language policy*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013, 291 p.
- Jernudd B., Nekvapil J. History of the field: a sketch. In: Spolsky B. (ed.). *The Cambridge handbook of language policy*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, P. 16–36.
- Joseph J. *Language and identity. National, ethnic, religious*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004, 268 p.
- Kaplan R., Baldauf Jr. R. *Language planning. From practice to theory*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 1997, 403 p.
- Kondakov N.I. *Logical dictionary-reference*. Moscow: Science, 1976, 720 p. (In Russ.)
- Language and society. Encyclopedia*. Moscow: Publishing Center “Azbukovnik”, 2016, 872 p. (In Russ.)
- Latin D. *Identity in formation. The Russian-speaking populations in the near abroad*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1998, 417 p.
- Le Pazh R.B. “You can never say where which word came from”: linguistic contacts in a diffuse environment. In: Vakhtin N.B. (ed.). *Sociolinguistics and sociology of language. Chrestomathy*. Saint Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2015, Vol. 2, P. 150–182. (In Russ.)
- Marusenko M.A. *Language and national identity: contemporary challenges to national unity and territorial integrity*. Moscow: Scientific and political book, 2015, 575 p. (In Russ.)
- Muff Sh. *Politics and political*. Political and philosophical yearbook, 2008, N 1. Mode of access: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppy_1/6.pdf (accessed: 09.08.2020.) (In Russ.)
- Mukhariamov N.M. Language policy and language policy. In: Semenenko I.S. (ed.). *Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Vesmir, 2017, P. 677–684. (In Russ.)
- Omoniyi T., White G. (eds). *The sociolinguistics of identity*. London; N.Y.: Continuum, 2006, 239 p.
- Pinevich E.V., Starodubtsev V.F. *Sociolinguistics. Textbook*. Moscow: Economics, 2011, 215 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Identity category in social sciences: concept, cognitive potential, research priorities In: Semenenko I.S. (ed.). *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Publishing house “Ves Mir”, 2017, P. 18–32. (In Russ.)
- Sokolovskii S., Filippova E. Linguistic diversity and social harmony: a difficult balance. In: Sokolovskii S., Filippova E. (eds). *Language policy, conflicts and consent*. Moscow: Institute of anthropology and ethnology of the Russian academy of sciences, 2018, P. iv–vi. (In Russ.)
- Sokolovskii S.V., Filippova E.I. Laws and ideologies: politics and management of language situations. In: Filippova E.I., Sokolovskii S.V. (eds). *Death of a language – death of a people? Language situations and language rights in Russia and neighboring states*. Moscow: Institute of ethnology and anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay RAS, Hotline – Telecom, 2020, 260 p. (In Russ.)
- Tabouret-Keller A. Language and identity. In: Coulmas F. (ed.). *The handbook of sociolinguistics*. 1-st ed. London: Blackwell Publishing, 1997, P. 315–326.

- Vakhtin N.B., Golovko E.V. Sociolinguistics and sociology of language. Saint Petersburg: Publishing Center "Humanitarian Academy"; Publishing House of the European University in Saint Petersburg, 2004, 336 p.
- Vdovichenko A.V. "Russian language" and "Russian world" against the background of the communicative model of the verbal process. In: *Collection of reports of the forum-dialogue Language policy: an all-Russian expertise*. Moscow, 2017. Moscow: Federal Agency for Ethnic Affairs, 2017, P. 21–27. (In Russ.)